

Глава 1

Кира открыла глаза. Шел дождь — капли падали между ветками деревьев, стекали по коже, смывали кровь со щеки.

Где-то позади зашуршали под ногами листья, затем звук шагов растворился среди множества других звуков. Кира заставила себя сесть и едва не застонала — руку пронзила боль. Она схватилась за плечо, пытаясь понять, что болит, но мешала куртка.

«Так. Я в лесу, у меня травма. Что же случилось?»

Она напрягла память, но это не помогло. Ее зовут Кира. Она очнулась в лесу ранним вечером, раненая, вся в грязи, насквозь промокшая. Это все, что она знала.

Кира подняла руки. Ладони казались смутно знакомыми — как старая фотография того, с кем ты когда-то встречалась, но пробиться сквозь туман памяти это не помогало.

Справа прогремел выстрел. На миг наступила тишина, потом чей-то голос отдал приказ на неизвестном языке. Кира оцепенела. Рядом кто-то чужой. От одного звука его голоса сердце начало бешено колотиться, рот наполнился горьким привкусом страха.

«Беги! — кричали инстинкты. — Убегай далеко, быстро, бесшумно. За тобой охотятся».

Кира вскочила на ноги. Голова гудела, руки и ноги тряслись. Пошатываясь, она подошла к дереву и ухватилась за него.

«Я не могла провести снаружи много времени. Несколько минут, не больше, а кажется, будто пробежала марафон, но потом, вместо приза, меня передал поезд».

Кира сморгнула капли дождя, попыталась сориентироваться. Она очнулась в небольшой рытвине между двух деревьев. По земляному склону тянулся след — очевидно, отмечая путь ее падения.

Справа раздался выстрел. Дождь приглушает звуки, значит, стрелявший находится метрах в пятидесяти отсюда. Расстояние казалось огромным... И в то же время ничтожным.

Кира направилась в противоположную сторону. Легкие болели, на языке появился привкус меди, однако ноги двигались быстро и легко — переносили ее через упавшие ветки, обходили ямы. Она пригibasась, стараясь стать как можно меньше. Очевидно, стремление избегать чужаков сохранилось у нее на уровне мышечной памяти.

Деревья впереди поредели, Кира прибавила ходу. Несмотря на усталость, она с животной ловкостью скользила вдоль кромки леса и дальше, вниз по склону, заросшему сорняками. Чудесное ощущение, если только ты не чувствуешь себя совершенно потерянной.

Небо извергалось ливнем. Кира оказалась посреди грозы, самой настоящей, основательной, какая случается всего несколько раз в год и бывает такой сильной, что вмиг наполняет рот водой, если запрокинешь голову.

«Хорошо, — шепнул мозг. — Вода размочит следы, унесет запах. Собаки не учуют».

Кира попыталась поймать эту мысль. Чутье подсказывало, что если за ней последовать, раскроется тайна ее, Киры, существования, но мысль призрачным угрем ускользнула обратно в подсознание.

Впереди показалась поляна, затянутая туманом. Дальше виднелся город — далекие размытые огни сулили спасение.

Снова грянул выстрел. Кира машинально пригнулась, почти параллельно земле, и свернула к ближайшему строению. Кажется, это чья-то усадьба. Стоит на отшибе, из окон льется золотистый свет.

Склон пошел вверх, земля тут заросла высокой травой, и с каждым шагом приходилось прикладывать больше усилий. Между струями дождя плыл тонкий, прохладный туман.

Из тумана вдруг показалась темная фигура, и Кира скользнула в сторону, чтобы избежать столкновения.

Высокая — ростом почти с нее — и, кажется, высеченная из камня. Кире захотелось остановиться, рассмотреть ее, но время было неподходящее.

Молния расколола небо, на мгновение окрасила мир белым. Справа возникла еще одна фигура. Кира прищурилась, пробегая мимо. По спине пробежал холодок. Надгробие... Ее занесло на кладбище.

Надгробий вокруг становилось все больше. Они выплывали из тумана, словно корабли, бороздящие бесплотные моря. Постройка, которую Кира приняла за усадьбу, оказалась домиком приходского священника. Над башенкой торчал крест, вода лилась с него на темную крышу.

Каменному дому на вид было лет сто, не меньше, кусты в саду разрослись. Огибая дом, Кира услышала музыку. Она припала к стене, прячась в тених, и обернулась. Опушка леса едва виднелась сквозь туман. Из-за деревьев вышли и начали пробираться вперед темные силуэты. Не меньше дюжины.

Кира прижала руку к груди, почувствовала, как колотится сердце. Она добралась до домика пастора меньше чем за минуту. Вряд ли ее преследователям понадобится больше времени.

— Пожалуйста, впустите! — шептала Кира, стуча кулаком в деревянную дверь. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Музыка смолкла. Кира вжалась в стену, пытаясь спрятаться в нише, прислушалась к шагам в доме. Раздался приглушенный щелчок, дверь распахнулась. На пороге появился седой мужчина в очках.

В руке он держал вышитое кухонное полотенце. Он немного сутулился, темно-бордовый свитер наброшен на плечи. Его кустистые брови удивленно приподнялись.

— Пожалуйста, впустите, — Кира быстро оглянулась. *Они наверняка где-то рядом.* — За мной гонятся. Позвольте спрятаться, пока они не уйдут, а потом уйду и я, честно.

— О-ох, — медленно протянул мужчина, переводя взгляд с вымокшей до нитки одежды на струйку крови, стекавшую по щеке Киры, а потом кивнул, словно решил, что ее предложение вполне разумно, и отступил в сторону. — Раз такое дело, полагаю, вам лучше войти.

Кира скользнула внутрь и снова припала к стене. Сердце бешено колотилось, в ушах звенело. Оставалось лишь надеяться, что она действовала достаточно быстро и незнакомцы ее не заметили.

В прихожей было тепло, уютно, пахло специями, вдоль стен стояли старые столики и тумбы от разных мебельных гарнитуров. Пастор закрыл дверь и прислонился к ней спиной, с легким замешательством разглядывая Киру.

— Что случилось, дитя? На тебя напали?

Кира слизнула дождевую воду с губ. Очень хотелось промолчать. Ей нужно всего лишь спрятаться, пока преследователи не потеряют ее след. Интуиция подсказывала, что следует быть осторожной и как можно меньше говорить о себе.

С другой стороны, она теперь в долгу перед пастором, так что стоит, по крайней мере, ответить

на вопрос. Заодно, возможно, получится немного разгрузить мозг.

— Меня зовут Кира. За мной охотятся. Это все, что я помню.

Она оглядела коридор: несколько старых, покрытых царапинами столиков, и на них лампы разной высоты и яркости, а вокруг островки освещенного пространства.

Снова прогремел гром.

— Простите... Позвольте спросить... где я?

— Приход Блайти, в двух километрах от города Блайти.

Он хотел коснуться ее руки, но Кира отпрянула. Пастор ничего на это не сказал, и, указав в сторону открытой двери справа, предложил:

— Сядь у огня. Наверняка продрогла до костей.

Ответить Кира не успела — дверь содрогнулась под ударами тяжелого кулака. Киру будто прошло током, мозг загудел от напряжения, пальцы онемели. Прячься, шипел разум. Прячься, или пострадаешь не только ты.

Бросив взгляд на дверь, пастор понизил голос:

— Это они?

Кира смогла только кивнуть.

Пастор сжал губы. Он подошел к большому деревянному шкафу, открыл дверцу. «Сюда», — произнес он одними губами.

Она с благодарностью нырнула в гущу залатанных пальто, зонтиков и резиновых сапог. Кулак снова замолотил по двери еще громче. Пастор закрыл шкаф.

— Иду-иду, не стоит так волноваться, — голос пастора, пока он говорил с Киroy, был ровным, но теперь, когда он обращался к новым посетителям, в нем появилась дрожащая стариковская нотка. — Господи помилуй... Кости-то уже не те, что прежде.

Кира слушала, как он, шаркая, приближается к двери. Дверь скрипнула, стук дождя стал громче. До ее ушей донесся еще один звук, резкий, неприятный.

«Тяжелое дыхание, — подумала Кира. — Бежал, но не хочет, чтобы это заметили».

— Добрый вечер.

Желудок скрутило от отвращения. Незнакомец старался говорить вежливо, но Кира почти физически ощущала разочарование, звучавшее в его голосе.

— Я ищу подругу. Молодая женщина, худошавая, со светло-каштановыми волосами, в темной одежде. Вы видели ее?

— Что ж... — пастор сделал паузу, и Киру захлестнуло страхом. — Я видел похожую молодую женщину в городе. В начале недели. Ну и ну, подкинули вы моей памяти задачку! Однако, думаю, эта женщина была...

— Нет, я говорю о сегодняшнем вечере, — резкий голос перебил пастора. Незнакомец прочистил горло и продолжил уже мягче: — Мы расстались меньше часа назад.

Пауза.

— Немного поссорились. Она могла попросить вас не говорить мне о том, что она здесь. Но чем

скорее мы снова встретимся, тем скорее я смогу ей помочь.

— Прошу меня извинить. Я никого не видел с тех пор, как днем вернулся домой, и до того, как открыл дверь.

«Спасибо», — подумала Кира, стискивая кулаки, чтобы сдержать дрожь.

— Вы уверены? — в голосе незнакомца прозвучала скрытая угроза. — Мне очень важно ее найти.

— Бог с вами! Ложь — это грех. Надеюсь, вы не думаете, что я подверг бы опасности бессмертную душу ради чего-то в этом роде.

Наступила тишина. Кира не знала что думать. Она прижималась спиной к дальней стенке шкафа, стараясь не шевелиться, чтобы не выдать себя. Шум дождя казался оглушительным. Она вдруг с ужасом подумала, что от незнакомца будет не так-то просто отделаться.

— Я чувствую, — в голосе пастора зазвучал неподдельный энтузиазм, — что само провидение привело вас в мой дом в эту темную ночь. Не хотите ли зайти? И мы за чашечкой хорошего чая побеседуем об истинном предназначении вашей души.

Незнакомец недовольно заворчал. А потом наконец ушел. Гравий на дорожке хрустел под его тяжелыми шагами.

— Может быть, в другой раз. Я должен искать подругу.

— Доброго пути! — воскликнул пастор, провожая его.

ШЕПОТ МЕРТВЕЦОВ. ХРАНИТЕЛЬ МОГИЛ

Спустя мгновение дверь скрипнула, закрываясь, и Кира позволила себе перевести дух.

— М-да. Ну и ну, — старческие нотки исчезли из голоса пастора. Он открыл шкаф, и Кира прищурилась от яркого света. — Адвокаты, налоговики, чересчур любопытные родственники... Эта фраза на всех так действует. Никогда еще меня не подводила. Вылезай, не то всю обувь мне водой зальешь.

Глава 2

— Сядь вон там, пожалуйста, — заметил пастор. — Это кресло мне не нравится, не жалко, если промокнет.

Кира послушно села в кресло с пестрой обивкой в турецких огурцах. Уютная гостиная пасторского дома тоже была заставлена странной мебелью — и современной, и антикварной. В камине гудел огонь, тепло проникало под вымокшие джинсы и футболку. Киру перестало так трясти. Пастор забрал у нее куртку и повесил у камина сушиться.

— Джон Эдидж, — представился он, — но все зовут меня просто Эдидж. Где-то тут была аптечка. Посиди минутку спокойно.

С этими словами он вышел в дверь на противоположном конце комнаты.

— Спасибо, — сказала Кира, глядя ему в спину. Она уже поблагодарила пастора, когда он выпустил ее из шкафа, но ей все казалось, что этого мало. — И мне жаль, что вам пришлось солгать из-за меня.

— О, об этом не переживай. — Судя по звяканью тарелок, ее спаситель находился на кухне. — Даже если мы закроем глаза на то, что предательство — куда больший грех, я не солгал. Я лишь сказал, что никого не видел между тем, как вернулся домой, и тем, как открыл дверь.

Он вернулся с дымящейся миской в одной руке и белым ящичком в другой. Миску он сунул Кире, и она поняла, что это и был источник пряного аромата, пропитавшего весь дом. Это было нечто вроде жаркого, и Кира вдруг поняла, что голодна как волк. Она отправила в рот полную ложку обожглась, и тут же зачерпнула следующую.

— Удачно, что ты зашла именно сегодня. — Эдидж подтащил к ней деревянный стул и открыл белый ящичек. — Обычно я готовлю жаркое только раз в неделю. Если бы ты пришла вчера, на ужин были бы разогретые полуфабрикаты.

Кира застыла, не донеся ложку до рта.

— Я не хотела лишать вас еды...

— Не говори глупостей. — Пастор поправил очки и прищурился, пытаясь разобрать инструкцию на флакончике антисептика. — В мои должностные обязанности входит кормить бедняков, а в нашем городе вряд ли найдется кто-нибудь достаточно нищий для этого. Так что сойдешь ты.

Кира засмеялась. Она чувствовала себя неловко и не понимала, как пастор может оставаться таким благодушным и веселым.

— Ну-с, приступим. — Он вытряхнул из упаковки ватный шарик и плеснул на него антисептик. — Наверное, будет больно. Опыт подсказывает мне, что от всяких медицинских штук всегда так бывает. Тот человек говорил неправду, верно?

Когда пастор прижал вату к ее коже, чуть ниже линии роста волос, Кира постаралась не дернуться.

— Да. По крайней мере я так думаю. Я ничего не помню.

— У тебя потеря памяти?

— Видимо.

— Хм-м. — Промокнув ссадину несколько раз, пастор бросил ватный шарик в огонь и начал искать в аптечке бинты. — Что ж, я тебя никогда не видел, значит, ты не из Блайти. Городок крошечный, в таком не скроешься, все друг друга знают. И это может быть как проклятием, так и благом. Может, ты из Брод-меду? Это в двадцати минутах езды отсюда.

Кира пожала плечами.

— Это название ничего мне не говорит.

Эдидж нахмурился, разматывая бинт.

— Боюсь, я понятия не имею, что делаю. Наверное, стоит вызвать доктора.

— Нет, у вас прекрасно получается, — эти слова вырвались у Киры сами собой. Импульсивная, бессознательная ее часть была уверена, что следует избегать больниц и всего с ними связанного. — Уже и не болит. Просто забинтуйте, и все будет в порядке.

— М-м... — Кажется, Эдидж ей не поверил, но все-таки наклонился и стал бинтовать ей го-

лову. — Не могу сказать, что расстроен. Доктор Келси немного... Кхм, в Писании сказано, что врагов следует возлюбить. Ну, я уверен, что никого не люблю больше, чем доктора Келси.

Он закончил перевязку.

— Как ощущения?

— Отлично.

Бинт отсырел из-за влажных волос, повязка едва держалась, но Кира не собиралась жаловаться.

— Что ж, полагаю, теперь нужно понять, что с тобой делать. — Эдидж закрыл аптечку и указал на миску в руках Киры, напоминая о том, что ей нужно поесть. — Ты хоть что-нибудь помнишь? Свою фамилию или, может быть, имя друга?

Кира напрягла память — дошла до момента, когда очнулась на поляне, но дальше была только пустота.

«Мозг, ну давай. У тебя же всего одна задача».

— Простите...

Пастор пожал плечами, словно не видел в этом никакой проблемы.

— Что ж, можешь переночевать здесь, только пообещай не обокрасть меня и не убить во сне. Постелим тебе на диване. Завтра, если ты ничего не вспомнишь, я попробую что-нибудь узнать в городе.

Кира перевела взгляд с миски жаркого на теплый камин, затем на пастора. Он был невероятно щедр по отношению к ней, и простой благодарности за это казалось мало, однако у Киры больше ничего не было.

— Большое спасибо, — снова сказала она.

Пастор лишь отмахнулся, выходя из комнаты.

— Вечер оказался таким захватывающим. Приятное разнообразие. Я поищу запасные одеяла.

За стенами дома гремел гром. Стояла темная ночь, отражения далеких огней города складывались в сияющую мозаику на мокром стекле. Сердце Киры сжалось от тревоги.

У нее не было никаких воспоминаний о своей жизни, но подсознание продолжало подбрасывать крошечные подсказки.

«Дождь — это хорошо, — говорило оно. — Дождь смывает следы. Если тебя найдут, будет плохо. Ты не хочешь знать, на что способны эти люди».

Она повернулась к пастору. Тот рылся в шкафу, вполголоса ругаясь, когда из одеял выпадала очередная мертвая моль.

«Они убьют его, если найдут меня здесь».

Аппетит тут же пропал, Кира уронила ложку. Эдидж проявил к ней больше доброты, чем она могла надеяться. Она не простит себе, если он пострадает из-за нее. Или если с ним произойдет что-нибудь еще хуже.

— М-м... А нет ли другого места, где я могла бы переночевать? Сарай или что-нибудь в этом роде, подалее отсюда?

Пастор обернулся и вопросительно поднял брови.

— Вдруг они вернутся. Мне будет спокойнее, если я спрячусь получше. — Кира старалась говорить правду, но так, чтобы пастор не догадался, насколько мрачный оборот приняли ее мысли.